ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

EDN: EJGCLH

Задорин
Игорь Вениаминович

Социолог должен стараться оставаться свободным, честным и полезным обществу

– Прошёл год после ухода Владимира Васильевича. Каким Вы вспоминаете его сегодня, из чего складывается его образ? Владимир Васильевич Вам вспоминается прежде всего как друг, коллега, учёный-социолог, возможно, вспоминаются его работы?

– Честно сказать, при том, что мы долго взаимодействовали по работе, у меня в первую очередь в памяти возникают личные отношения и разговоры с Владимиром Васильевичем, связанные не с какими-то конкретными делами, а скорее с жизнью в профессии. Самые важные наши разговоры касались, если можно сказать с пафосом, профессиональной идентичности. Потому что нам всегда казалось очень важным обсудить то, как нужно правильно себя повести в конкретном деле, в конкретном проекте, чтобы остаться честным и к профессии, и к людям, с которыми взаимодействуешь, как повести себя правильно и корректно. Мне больше вспоминается такое общение.

Хотя познакомились мы ещё в конце 90-х, когда я, будучи начальником отдела социологии Администрации, объезжал разные социологические центры, компании, организации и узнавал, как устроена в них исследовательская работа, изначально большого сотрудничества у нас с В. В. не было. Тесное общение началось, по большому счёту, с момента реорганизации ВЦИОМ, когда я предложил Владимиру Васильевичу стать одной из опорных фигур восстановления этой структуры. И тогда наше общение выстраивалось вокруг обсуждения того, как лучше делать какие-то практические шаги в восстановлении «опросной фабрики», как лучше делать аналитику,

готовить аналитические записки, как проводить исследования для высших органов государственной власти, про что надо проводить опросы, чтобы это было и интересно, и полезно. Это были вопросы непростые, во многом связанные с профессиональной и просто с человеческой позицией, вопросы человеческих и корпоративных отношений.

– Вы точно подметили, что в персональной жизни, профессиональных суждениях Владимира Васильевича всегда виделась человеческая позиция, в социологических данных он пытался угадывать проблемы людей. Было ли его желание увидеть человека с разных сторон причиной, по которой Владимир Васильевич стремился быть одновременно и в пучине эмпирических исследований, во ВЦИОМе, и одновременно оставаться частью Академии, то есть сочетать прикладные исследования с научной методологией?

– Я бы хотел разделить эти сюжеты. Во-первых, об интересе к человеку. Надо понимать, что Владимир Васильевич довольно продолжительное время болел, и это сказывалось на его восприятии мира. Он как человек, долго боровшийся с собственными проблемами со здоровьем, был очень чувствителен к проблемам других людей. Как правило, человеку успешному, здоровому, беспроблемному труднее прочувствовать боль других. А Владимир Васильевич многое воспринимал через призму собственной борьбы с хворями. Не могу не вспомнить, как он помогал коллегам, попавшим в беду (помню, как мы покупали инвалидную коляску Леонтию Бызову, с которым Владимира Васильевича связывали многие годы совместной работы).Что касается его отношения к Академии, сохранения связи с ней во время работы во ВЦИОМе, то это была его сознательная позиция сочетания сугубо академической ипостаси и ипостаси прикладника. Она им многократно обсуждалась и рефлексировалась, в том числе и в наших совместных беседах.

У меня издавна есть такое понимание, что в нашей гуманитарной научно-прикладной сфере, вообще говоря, профессиональная идентичность должна быть внекорпоративной. Внутрикорпоративная идентичность — это принадлежность компании, какому-то бренду. Однако настоящий профессионал в большей степени должен принадлежать профессиональному сообществу. Нужно в первую очередь думать о том, как профессионал выглядит в глазах коллег по профессиональному сообществу, а не в глазах начальства или подчинённых в рамках той или иной организации, внутри той или иной структуры. Он должен работать и ощущать себя не в иерархии, а в горизонтальной «плоской» структуре профессионального сообщества. Профессиональная идентичность должна быть выше идентичности корпоративной. При том, что я сам связан всё время с ЦИРКОНом, я много раз формально уходил из него в другие организации для формирования в них системы исследовательской и/или аналитической работы. Но при этом всегда оставался с ЦИРКОНом как с местом, где свободно соединялись, расходились, опять соединялись для совместных проектов разные увлечённые люди, коллеги, профессиональные исследователи.

И Владимиру Васильевичу тоже было совершенно очевидно, что уходить полностью, «с потрохами», в какую-то конкретную организацию, ВЦИОМ, ФОМ или что-то ещё подобное, это неправильно. Нужно существовать именно в научном сообществе. Он так и существовал. Кто-то скажет, что Владимир Васильевич – это Институт социологии, кто-то скажет, что Владимир Васильевич – это ВЦИОМ, кто-то вспомнит ещё что-то. Но Владимир Васильевич был в некотором смысле индивидуальным брендом, он, возможно, не был самым великим учёным, но для тех, с кем он работал, он был ценен своей цельностью и включённостью в профессиональное сообщество. И в аппарате ЦК КПСС, и в ИМЭЛе, и во ВЦИОМе, и в ИС РАН или где-то ещё. Где бы он ни работал, вокруг него, в первую очередь, были его коллеги, были его сподвижники, а не начальники и подчиненные. И связь с Академией была для него залогом связи с более широким кругом представителей профессионального сообщества. Если бы он работал только во ВЦИОМ, вокруг него были бы только сотрудники ВЦИОМ, и этот профессиональный круг был бы существенно уже. Включённость в большое профессиональное социологическое сообщество было принципиально важно для него. Мы этот вопрос обсуждали и решили, что ни при каких, даже самых выгодных условиях, нельзя уходить в какую-то одну структуру «совсем», и, соответственно, позиционироваться как представитель только этой одной структуры.

– Как Вы думаете, из чего возникла тематическая ориентация научных интересов Владимира Васильевича? Его интерес к демократии участия, демократическим ценностям и общественной трансформации, отражали очень динамичное и оптимистичное видение им настоящего и будущего российского общества и одновременно отражали персональные либеральные установки Владимира Васильевича, в том числе и в отношениях с коллегами, сотрудниками. Возможно, какие-то обстоятельства личной и профессиональной биографии Владимира Васильевича определили его ценностные установки?

– Действительно, Владимир Васильевич, как мне кажется, никогда не строил вертикальной карьеры, его интересовали горизонтальные пересечения с коллегами внутри социологического сообщества. Ему интересно было скорее поработать в каких-то новых проектах, над новыми исследовательскими темами или направлениями, расширить круг профессиональной коммуникации, круг сотрудников, а не занять какое-то место в формальной иерархии.

Когда мы встретились в конце 1990-х гг. Владимиру Васильевичу было около 50 лет, и, безусловно, от такого человека можно было ожидать каких-то планов карьерного роста, рассуждений в логике «сейчас я занимаю такое место, потом поднимусь, и займу место повыше, стану тем или иным руководителем». Но это было настолько чуждо Владимиру Васильевичу! Мысли у него были только о том, чтобы запустить новый интересный проект, новое исследование, посотрудничать с новым интересным человеком. А вот карьерные амбиции, как мне кажется, его не интересовали вовсе.

Отвечая на вопрос, откуда такое отношение к карьере, я могу предложить следующую гипотезу. У очень многих людей, которые в активный период своего профессионального формирования испытали травму крушения иерархии, возникает стремление в принципе отстраниться от любых формальных иерархий. Нужно понимать, что Владимир Васильевич с довольно близкого расстояния видел крушение советской государственной системы. Помимо всего прочего, это крушение было связано с крушением всяческих иерархических статусов: сегодня ты начальник, а завтра дворник, и наоборот: сегодня ты матрос, а завтра ты начальник ГПУ или какого-то революционного штаба. Любая революция сопряжена с быстрым изменением статуса: либо вверх, либо вниз. И Владимир Васильевич как человек, писавший в конце 1980-х гг. записки для высшего партийного руководства, как человек, который был хотя и не встроен, но приближен к советской номенклатуре, видел картину крушения советской иерархии статусов очень близко. Он видел, как тот, кто 5 минут назад, будучи большим начальником, ему что-то поручал, быстро становился никем, и одновременно появлялась куча невесть откуда взявшихся новых руководящих неофитов. Я знаю, многие из тех, кто видел такое, как правило, относятся к иерархиям и формальным статусам очень специфически, они сторонятся и боятся их. Иерархии начинают представлять для них какую-то опасность, воспринимаются как нечто такое, что в будущем точно ждёт обрушение, катастрофа. Смотреть на разные пертурбации революционного времени 1990-х гг. было очень интересно, но очень грустно. И по-человечески понятно, что от такого наблюдения часто возникает желание держаться подальше от всяческих иерархических структур.

– Может быть, вспомните что-то о Владимире Васильевиче периода его активной работы во ВЦИОМе в 2003–2007 гг. Каким было его участие в работе компании?

– Во-первых надо сказать, что Владимир Васильевич был очень благодарен и ВЦИОМу, его команде, и мне частично за весь этот «вциомовский период». Именно потому, что у него до этого был длинный период сугубо академической работы, а тут он оказался вовлечён в прикладную социологию, включён в работу фактически завода, конвейера по производству социологических данных, информации для принятия управленческих решений. Это был крайне интересный опыт. Причём, двусторонний опыт. С одной стороны, у В. В. прибавилось понимания сути и целей исследовательского процесса в прикладной политической социологии, ориентированной на социологическое обеспечение органов государственной власти. И этот опыт был более глубоким, чем тот, что доступен в академических структурах. Работа в большой опросной компании даёт возможность лучше понимать, как реально происходят массовые опросы, как реально получаются данные, какими «шумами» обрастают социологические данные в процессе сбора. И это очень полезное для социолога знание. Многие академические коллеги, легко пишущие статьи по результатам опросов, имеют очень слабое представление о том, как эти данные производятся, не понимают их природы. В этом смысле работа

Владимира Васильевича во ВЦИОМ была очень поучительна, полезна, и он очень радовался этому новому практическому знанию и опыту, хотя в отдельных моментах искренне удивлялся, сталкиваясь с отдельными «спорными моментами» поллстерской практики.

С другой стороны, Владимиру Васильевичу в ходе работы во ВЦИОМ открывалась и вторая сторона. Он видел, как эти социологические данные потребляются и воспринимаются весьма далёкими от социологии управленцами. В первую очередь, теми управленческими структурами, для которых эти данные производились. В такой ситуации у добросовестных исследователей дополнительно возникают вопросы не только о том, как собрать и проанализировать данные о социальной реальности, но и о том, как сделать так, чтобы получаемая социологическая информация была понятной, доступной и лучше усваивались непрофессионалами. Начинается поиск новых, более оптимальных и эффективных форматов представления социологических данных, что для представителя академических структур обычно не столь важно (он же, как правило, пишет для таких же, как он, яйцеголовых), но очень полезно и интересно. Если для академического сотрудника есть, строго говоря, только два стандартных формата предоставления данных: статья и отчет, то в прикладной социологии к таким форматам добавляется еще множество: аналитическая справка, краткая записка, интервью для СМИ, пресс-релиз, инфографика и т. д. Это всё было очень интересно Владимиру Васильевичу, и он в принципе был рад возможности получить новые знания и навыки. Профессионально этот этап работы во ВЦИОМ, как мне кажется, был для него очень интересным, полезным и богатым на ощущения, впечатления и новые открытия. Вообще, я всегда полагал, что для академического человека возможность «поплавать» в этом море прикладной социологии, уйти на сторону заказчика, даже поработать «ин-хаус» – очень полезна и поучительна. Это совершенно необходимый профессиональный опыт переработки тонн «социологической руды» и глубокое понимание всего процесса производства, представления и потребления (в т.ч. массового!) социологической информации.

– А с чем связано отдаление Владимира Васильевича от ВЦИОМ, которое началось в середине 2000-х гг. Ему не хотелось переходить с позиции исследователя на позиции интерпретатора или не хотелось занимать конкретную позицию объяснительного дискурса, скажем, консервативного?

– Это решение было очень обдуманным, этот шаг Владимира Васильевича мы одно время обсуждали с ним буквально часами. В 2007 году Владимир Васильевич ушёл с должности замдиректора ВЦИОМ, но остался в Научном совете. Его решение уйти с административной должности было связано с очень определённой трансформацией самого ВЦИОМ. Когда ВЦИОМ только возрождался после кризиса 2003 года, рабочий коллектив организации создавался фактически с нуля, и основные проблемы были сосредоточены вокруг возрождения важной государственной научно-исследовательской структуры, необходимо было прежде всего выстроить производственный процесс от

сбора первичной социологической информации через аналитику к представлению результатов социологических исследований. На этом этапе очень важной была задача порождения разных эффективных методик и инструментария опросных исследований, что для В. В. было и творчески интересным, и профессионально приемлемым. Но где-то на рубеже 2007–2008 гг. началась трансформация ВЦИОМ в консалтинговую структуру. И для Владимира Васильевича очень остро встал вопрос о том, насколько в новых реалиях будет выражена исследовательская часть его работы, а насколько – интерпретаторская, и насколько эта работа будет переводиться во вполне определённую публицистику и даже пропаганду.

Возьму на себя смелость сказать, что Владимир Васильевич был позитивистом, он всегда придерживался принципа дистантного отношения к объекту социологических исследований, и к социологическим данным относился как к средству объяснения социальной реальности, но не её трансформации. И когда начали появляться естественные для такого рода структур, как ВЦИОМ, идеи о том, что результаты опросов нужно предоставлять вполне определённые – «такие» и «такто», что эти результаты должны влиять на конкретные политические решения как госуправленца, так и рядового гражданина, то это вызвало у Владимира Васильевича мучительный процесс самоопределения. Он стал задаваться вопросом о том, как он участвует в деле производства социологической информации: только как исследователь, или уже как социальный инженер начинает влиять на объект исследования.

Он понимал, что, выступая перед журналистами в качестве представителя ВЦИОМ (а он одно время много выступал в СМИ с данными опросов), он отвечает и условно «подписывается» не только под социологическими данными, но и под их вполне определённой интерпретацией, «объяснением». И Владимира Васильевича стало беспокоить, что предлагаемые ВЦИОМ в том числе и от его имени объяснения социологических данных могут начать работать в защиту только одной конкретной политической позиции. Влиять на граждан через «желаемое», «должное» объяснение, а не через ту объективную исследовательскую рамку, которую он считал правильной и верной.

Так же, как в своё время, мы осознанно и совместно принимали решение о том, что он идёт во ВЦИОМ, так же мы проговаривали его решение, что он уходит с административного поста и остается во ВЦИОМ на сугубо исследовательских позициях. Решение это осознавалось и давалось Владимиру Васильевичу весьма непросто, примешивались и материальные проблемы, но в конце концов профессиональная идентичность оказалась сильнее.

– Работая с большим массивом социологических, опросных данных по самым разным темам, Владимир Васильевич постепенно очаровывался мудростью респондентов или, напротив, склонялся к идее сиюминутности тех или иных суждений, фиксируя эти сиюминутные изменения в опросных цифрах? Его идея о демократии участия, сформировавшаяся во многом под влиянием погружённости в академическую парадигму знания, претерпела ли какие-то изменения под влиянием того, что он видел в регулярно обновляемых цифрах ВЦИОМ?

– Надо сказать, что со многими учёными, исследователями, которые погружаются в данные опросов, часто происходит то, что можно назвать «отрезвлением». Прежде всего, это освобождение от мифов о каких-то «авторитетных» теориях и «работающих» объяснительных моделях. Для «академического человека», которым был Владимир Васильевич, работа во ВЦИОМ дала уникальный доступ к огромным объёмам эмпирической информации. Я помню, в начале 1990-х гг. массив всероссийского социологического опроса для академических учёных был «на вес золота», единожды полученный, он «вертелся» и так, и сяк, исследовался, изучался с разных сторон и не одним человеком. Потому что проводить всероссийские социологические опросы было дорого, проводились они редко, и получение доступа к данным эмпирических исследований почиталось за профессиональное счастье. И, представьте, что на человека из академического сообщества, который долгое время жил в ситуации дефицита социологических данных, эти данные начинают литься буквально водопадом. Сразу же та реальность, которая натужно изучалась учёным в рамках Академии наук и с опорой на теоретические модели, начинает видеться гораздо шире, глубже, объёмнее. Потому что и сама тематика исследований опросного центра колоссально широкая: от того, что подарят респонденты женщинам на 8 марта, до понимания философских вопросов счастья. Плюс неожиданно открываются возможности мониторинга, то есть измерения динамики изучаемых показателей. И ещё много всего разного получается по теме, которую раньше исследователь изучал чисто теоретически. И когда на исследователя обрушивается такое обилие данных, он начинает лучше видеть общество и отдельного человека. Сразу же выясняется, что люди могут сочетать в своих установках довольно противоречивые вещи, и эмпирические данные нередко противоречат теоретическим моделям. Если в рамках некоторой объяснительной теоретической парадигмы предполагается, что человек, исповедующий определённые взгляды, должен соответствующим образом отвечать на некоторые вопросы, то данные опросов очень часто показывают внутреннюю противоречивость мнений граждан. Например, отвечая на вопрос о том, кто из политиков ему нравится, респондент называет Б. Немцова, но голосовать собирается за ЛДПР. Такие ситуации в прикладной социологии встречаются сплошь и рядом. И это очень отрезвляет. Сразу понимаешь, что «чистые модели», «чистые политические типы» в реальности практически не существуют, и полученные данные не подходят для объяснения смыслов, существующих в человеческом сознании. Понимаешь, что противоречия прикладных социологических данных способны объяснить только гибридные объяснительные модели. Это приводит к пересмотру многими исследователями, пришедшими в прикладную социологию из академического сообщества, и своего отношения к обществу, и понимания того, что это общество может делать.

И при всём энтузиазме Владимира Васильевича относительно перспектив демократии участия в России, его опросные экспириенсы, его исследовательский опыт приводили к тому, что Владимир Васильевич лучше видел и понимал состояние общества, и всё меньше надеялся на

скорые позитивные изменения, хотя и продолжал относиться к перспективам утверждения демократии участия в России как к идеалу. Но этот идеал постепенно казался Владимиру Васильевичу всё более далёким с точки зрения возможности его достижения.

Стремясь разобраться в природе каких-то особенностей развития российского общества, препятствующих, в частности, и развитию низовой демократии, Владимир Васильевич очень часто обращался к изучению международного опыта, прежде всего, опыта других постсоветских государств. Всё-таки Владимир Васильевич был одним из соавторов первых исследований «Евразийского монитора» и соучредителем этого международного партнёрства. Владимир Васильевич сыграл ключевую роль в разработке методологии исследования, прежде всего, мониторинговой его части, на основании полученных данных он готовил аналитические материалы, участвуя в проекте зачастую на общественных началах, из исследовательского интереса.

В начале 2000-х гг., когда уже довольно долго работали ВЦИОМ, ФОМ и другие исследовательские центры, стало понятно, что индикаторы, которыми мы измеряем социально-политические рейтинги в России, довольно трудно интерпретировать без сравнения с аналогичными показателями, но в других странах. Потому что в начале 2000-х гг. было, например, не очень понятно, электоральный рейтинг В. Путина в 45% – это много или мало, было непонятно, откуда он появляется. Возможно, социологические данные, интерпретируемые локально, в сравнении с более ранними показателями внутри страны, например, с электоральными рейтингами Б. Ельцина, что-то действительно объясняют с точки зрения страновой динамики. Но в сравнении с аналогичными социологическими показателями в других странах, в сравнении, например, с электоральными рейтингами других политиков постсоветского пространства, это может трактоваться иначе, уже в глобальном контексте. «Всё познаётся в сравнении». В 2004 г. в Киеве состоялся большой форум политологов, социологов, экспертов из 4 стран как тогда говорили Единого экономического пространства: России, Украины, Беларуси и Казахстана, и там возникла идея (первым её озвучил Андрей Вардомацкий из Минска) запустить на территории стран бывшего СССР большой опросный проект, подобный Евробарометру. Это было интересно, мы пробовали сравнивать настроения в российском обществе и с европейскими странами, но понимали, что всё-таки сравнивать не получается, потому что это были страны совсем другого генезиса. А страны-участники партнёрства «Евразийский монитор» к моменту начала проекта ещё недавно были очень близки и в недавнем прошлом даже представляли собою одну страну.

Не предполагая быстрой реализации идеи, я предложил её коллегам из ВЦИОМа, В. В. Фёдорову и К. В. Абрамову, и они с ходу решили участвовать в её реализации. Также на предложение быстро отозвался Евгений Копатько, представлявший тогда украинский Донецкий информационно-аналитический центр, очень быстро отозвались коллеги из Беларуси. Со второй волны «Евразийского монитора» к уча-

стию в проекте подключился Казахстан. А Владимир Васильевич, взяв за основу некоторые вопросы из исследования Евробарометра, добавив какие-то региональные мотивы, составил первый проект анкеты исследования. К задаче выработки методологии исследования Владимир Васильевич подошёл с большим энтузиазмом, поскольку ему самому было интересно увидеть результаты исследования. Кстати, на основании первых полученных данных и в сравнении с ними, в частности, с президентским рейтингом в 15% на Украине и 70% в Казахстане, рейтинг В. Путина в 45% выглядел уже совсем по-другому, казался даже оправданным, не завышенным, и не заниженным.

В 2006 году было решено юридически оформить исследовательское взаимодействие, и было зарегистрировано некоммерческое партнёрство «Евразийский монитор» и в числе учредителей было 5 человек, в т.ч. и Владимир Петухов. В 2005 году на основании материалов, полученных в рамках реализации проекта при самом активном участии Владимира Васильевича, вышла первая книга, которая так и называлась «Интеграция в Евразии». И до 2008 года В. Петухов самым активным образом участвовал в реализации проекта, разрабатывал методологию опросов, писал тексты. Владимир Васильевич очень способствовал выстраиванию профессиональных коммуникаций коллег, в том числе из других стран.

– Вы упомянули что Евразийский монитор родился из ощущения общего генезиса стран-участниц проекта, общности исторического прошлого. В чём Владимир Васильевич видел общность Евразии: в географической близости стран, в их длительном историческом соседстве, либо он видел у государств, расположенных на пространстве Евразии, какие-то общие ценности, сформированные, возможно, общим прошлым? И какими Владимир Васильевич ощущал актуальны процессы в пространстве Евразии?

– Повторюсь, первоначально идея «Евразийского монитора» родилась из желания создать аналог Евробарометра, в исследованиях которого на рубеже 1990-х гг. сильна была идея евроинтеграции, мы были очевидцами Миллениума, перехода европейских государств на единую валюту – евро. Вместе с тем примерно в это же время начались попытки запустить реинтеграционные процессы на постсоветском пространстве: если в 1990-е гг. элиты постсоветских государств склонялись к самостоятельному существованию после распада СССР, то в середине 2000-х гг. возникла идея Единого экономического пространства, потом появилась концепция Евразийского союза как некая модель экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Однако уже в середине 2000-х гг., когда проект Евразийского монитора только стартовал, результаты опросов чётко фиксировали «настроения разбегания»: в постсоветских странах во взрослую жизнь начало входить новое поколение, для которого существование в независимой суверенной стране было уже более естественным, чем жить в некотором большом государстве, объединяющем множество разных регионов

и народов. Конечно, старшим поколением распад СССР воспринимался скорее тяжело, не в последнюю очередь потому, что нужно было искать новую гражданскую идентичность, многим довольно трудно было «переидентифицировать» себя, проще было отказаться в итоге от этих поисков и считать себя «человеком made in USSR». Плюс для многих представителей старшего поколения распад СССР был травматичным разрывом связей, часто, буквально семейных. А вот поколения, которые только входили во взрослую жизнь, уже были социализированы в новой реальности и строили свои жизненные траектории, понимая, что живут в независимых странах и считали для себя такое существование единственно естественным. И эти поколенческие сдвиги наглядно наблюдались в цифрах социологических опросов. С одной стороны, наблюдать эти процессы было очень увлекательно и интересно, а с другой – весьма печально: участники «Евразийского монитора» стали одними из первых говорить, что процессы постсоветской дезинтеграции для многих стран уже необратимы. Примерно в 2006 г., через 15 лет после распада СССР, мы увидели, что в постсоветских обществах начинают доминировать настроения поколения, для которых жизненная реализация естественна в суверенной независимой стране. И к другим странам молодёжь постсоветских республик также относится как к независимым государствам.

Всё это не могло не вызвать и некоторый дрейф в объяснительных моделях происходящего: и Владимир Васильевич, и все мы постепенно приходили к пониманию того, что не только материальный фактор определяет и объясняет действия и ценности людей. Стало очевидно, что довольно значимо на общественные установки и общественное развитие влияет информационный фактор, включение человека в те или иные информационные каналы, можно говорить о том, что цифровое неравенство является значимым фактором общественного неравенства. Пришло понимание и того, что усложняются не только объяснительные модели общественных процессов, усложняются и умножаются и факторы общественных изменений и очень сложно найти некоторый ключевой фактор общественных изменений и исчерпывающе объяснить происходящее.

– Вы упоминали, что очень много обсуждали с Владимиром Васильевичем жизнь в профессии и профессиональную идентичность социологов. Каким, как Вам кажется, Владимир Васильевич видел основное кредо социологов современной России?

– Если говорить короткими формулами, я попробую концентрированно выразить своими словами то, что на мой взгляд, было ценно для Владимира Васильевича как социолога.

Во-первых, всё-таки это независимость как главное качество и свойство любого исследователя. Со своим богатым опытом Владимир Васильевич понимал, что полная независимость социолога, конечно, невозможна. Если ты полностью независим, ты, как правило, ничего не можешь сделать. И поэтому необходимо как-то включаться в определённые процессы, находить компромиссы и тогда уже находить возможность сделать что-то, стараясь быть свободным от чужого влияния на результат

исследования. Всё-таки для учёного, для исследователя самым важным условием деятельности является возможность независимого свободного высказывания. Это принципиальное и самое первое обстоятельство профессионального пути социолога.

Второе, и это также принципиально – это профессиональная честность. Конечно, Владимир Васильевич был мягким, добрым, даже компромиссным человеком, не склонным к острым противостояниям и конфликтам. Но халтуру и подтасовку не терпел, поэтому чаще был готов скорее отойти в сторону и ничего не сказать, чем сказать то, в достоверности чего он сомневался.

Наконец, третье, что Владимир Васильевич считал важным для профессиональной идентичности российского социолога как человек, пришедший в прикладную социологию из научного сообщества, это необходимость сделать социологию, социологические данные общественно полезными. Он считал, что информация, полученная в рамках социологических исследований, должна быть максимально имплементирована в общественную жизнь, усвоена и конструктивно использована. И в этой связи прикладные исследовательские структуры представляли для учёного, по его мнению, большую возможность для конструктивного объяснения общественных процессов, несмотря на все возможные ограничения и оговорки. Если власть хочет использовать социологическую информацию так, как она хочет её использовать, хорошо, пусть так. Но будучи объяснена, интерпретирована социологами социологическая информация должна становиться хоть в какой-то мере информацией, используемой для общественного развития, для понимания обществом самого себя. То есть для социолога принципиально важно ориентироваться в своей работе на две ценности: независимость суждений и общественную полезность получаемых исследовательских результатов.

Такой позитивизм от социологии был для Владимира Васильевича базисом его работы и принципами настоящего социолога. При всех жизненных компромиссах и стремлении власти использовать социологические данные по своему усмотрению, социолог должен стараться оставаться максимально свободным, честным и полезным тому обществу, людям, которых он исследует.

И. В. Задорин,
научный руководитель
Исследовательской группы ЦИРКОН
(Интервьюер – Р. Э. Бараш)